ИСПОЛКОМ
ВОЛОСТНОГО СОВЕТА
ЛАГЕРЯ
ЦЕЛЛЕ

..... 192

№.....

EXEKUTIV-KOMITEE
DER SOWJETS IM
LAGER
CELLE

КИШИНЕВЪ.

М. ГОРЬКІЙ.

ПРОТЕСТЪ ПРОТИВЪ ОБЩЕСТВА.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

ПИСЬМА ПО ПОВОДУ КИШИНЕВА.

ВЛ. КОРОЛЕНКО.

ДОМЪ № 13.

БЕРЛИНЪ.
Изданіе Гуго Штейница.
Шарлоттенштрассе 2.

„Пров 49“

„Пров 38“

28755

I.

Протестъ противъ общества.

За послѣдніе годы въ странѣ нашей все чаще и чаще совершаются событія, позорящія ее, но самое позорное дѣло, возбуждающее ужасъ, стыдъ и негодованіе — это страшное избіеніе евреевъ въ Кишиневѣ.

Люди, считающіе себя христіанами, люди, якобы вѣрующіе въ Бога милосердія и состраданія, — эти люди, во дни, посвященные ими празднованію Воскресенія Бога своего изъ мертвыхъ, убиваютъ дѣтей и стариковъ, насилуютъ женщинъ, пытаютъ и грабятъ людей того племени, которое дало имъ Христа.

Кого винить въ этомъ гнусномъ преступленіи, которое ложится на всѣхъ насъ, русскихъ, кровавымъ пятномъ позора, пятномъ, которое

и вѣка не смоютъ со страницъ печальной исторіи нашей темной страны?

Было бы несправедливо и слишкомъ просто осудить за это „толпу“, избивавшую евреевъ: толпа — это рука; виновно развращенное сознаніе, толкнувшее ее на грабежъ и убійство.

Извѣстно, что въ Кишиневѣ толпою командовали люди культурнаго общества. Но что такое русское культурное общество? Это — тоже толпа, да еще худшая, чѣмъ толпа „народа“, ибо народъ нашъ раздраженъ тяжестью своей жизни и слѣпъ и окованъ искусственно создаваемой вокругъ него тьмой. . . . .

Культурная же толпа — это куча трусливыхъ рабовъ, лишенныхъ чувства собственнаго достоинства и сознанія своихъ правъ, готовыхъ всегда падать ницъ предъ силой, способныхъ принять всякую ложь, лишь бы она охраняла ихъ покой, безсильная и безправная сѣрая масса, мало сознательная и безстыдная, несмотря на свою приличную внѣшность.

Въ позорномъ и страшномъ дѣяніи, совершенномъ въ Кишиневѣ, наше культурное

общество повинно не менѣе активныхъ убійцъ и насильниковъ.

Оно виновно не только въ томъ, что не защищало избиваемыхъ, а любовалось избіеніемъ — главнымъ образомъ оно виновно въ томъ, что на протяженіи долгихъ лѣтъ спокойно позволяло растлѣвать себя такимъ человѣконенавистникамъ, издавна прославленнымъ презрѣнной славой лакеевъ силы и апологетовъ лжи, какъ Алексѣй Суворинъ, Викторъ Буренинъ, Василій Величко, Сергѣй Шараповъ, Виссаріонъ Комаровъ, Крушеванъ, Пятковскій и иные иже съ ними.

Вотъ истинные виновники позорнаго для насъ и ужасъ наводящаго преступленія въ Кишиневѣ. Ко всѣмъ отвратительнымъ кличкамъ, которыя издавна присвоены этимъ презрѣннымъ людямъ, нынѣ мы должны добавить еще и заслуженное ими званіе подстрекателей къ убійству и грабежу.

Лицемѣры, съ именемъ Бога на устахъ, развращающіе русское общество проповѣдью ненависти къ евреямъ, армянамъ, финнамъ, нынѣ они поливаютъ трупы убитыхъ по ихъ наущенію людей трусливой и гнусной клеветой,

безстыдно продолжая свое гадкое дѣло — дѣло растлѣнія чувства и мысли безвольнаго русскаго общества.

Позоръ на ихъ злыя головы и да сожжетъ огонь совѣсти ихъ гнилыя сердца, полныя лакейскаго честолюбія и рабской покорности предъ силой.

А на русскомъ обществѣ, постыдно поддающемся подстрекательству этихъ парій, нынѣ лежитъ обязанность доказать, что оно все-таки не вполнѣ развращено прелюбодѣями мысли, что оно не солидарно съ подстрекателями къ убійству и грабежу, что въ немъ есть еще хоть крупица истиннаго человѣческаго чувства.

Русское общество, чтобы снять съ своей совѣсти хоть часть позора и стыда за Кишиневское дѣло, должно придти на помощь разореннымъ и осиротѣвшимъ евреямъ, націи, которая дала міру столько истинно великихъ людей и, несмотря на ужасъ и гнетъ своего положенія въ мірѣ, все продолжаетъ создавать ихъ — учителей истины и красоты.

Итакъ, всякій, кто не считаетъ себя лакеемъ лакеевъ, всѣ въ комъ еще есть чув-

ство человѣческаго достоинства, — на помощь евреямъ!

Для того, кто считаетъ себя человѣкомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, не должно быть ни эллина, ни іудея, а только — человѣкъ.

М. Горькій.

II.

Письма по поводу Кишинева.

По поводу Кишиневскаго погрома къ Льву Николаевичу съ разныхъ сторонъ обращались за его мнѣніемъ.

Изъ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ онъ получилъ отъ газеты: „North American Newspaper“ телеграмму такого содержанія: „Виновата ли Россія въ Кишиневскомъ побоищѣ? Отвѣтъ въ 30 словъ уплаченъ.“ Л. Н. отвѣтилъ такъ: „Виновато правительство, во первыхъ, изъятіемъ евреевъ, какъ отдѣльной касты, изъ общихъ правъ; во вторыхъ, насильственнымъ внушеніемъ русскому народу идолопоклонства вмѣсто христіанства“.

Л. Н. присоединилъ свою подпись къ протесту слѣдующаго содержанія, посланному

нѣсколькими лицами Кишиневскому городскому головѣ:

„Милостивый Государь, глубоко потрясенные совершеннымъ недавно въ городѣ Кишиневѣ злодѣяніемъ, мы выражаемъ наше болѣзненное состраданіе невиннымъ жертвамъ звѣрства толпы, нашъ ужасъ передъ этими звѣрствами русскихъ людей, невыразимое омерзѣніе и отвращеніе къ подготовителямъ и подстрекателямъ толпы и безмѣрное негодованіе противъ попустителей этого ужаснаго дѣла.“

На приглашеніе принять участіе въ составленіи литературнаго сборника въ пользу пострадавшихъ Евреевъ Л. Н. отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ:

„Ужасное совершенное въ Кишиневѣ злодѣяніе болѣзненно поразило меня. Я выразилъ отчасти мое отношеніе къ этому дѣлу въ письмѣ къ знакомому еврею, копію съ котораго прилагаю.

На дняхъ мы изъ Москвы послали коллективное письмо кишиневскому головѣ, выражающее наши чувства по случаю этого ужаснаго дѣла.

Я очень радъ буду содѣйствовать вашему сборнику и постараюсь написать что-либо соотвѣтствующее обстоятельствамъ.

Къ сожалѣнію, то что̀ я имѣю сказать, а именно, что виновникъ не только кишиневскихъ ужасовъ, но всего того разлада, который поселяется въ нѣкоторой малой части — и не народной — русскаго населенія, — одно правительство, — къ сожалѣнію этого-то я не могу сказать въ русскомъ печатномъ изданіи."

Левъ Толстой.

6 Мая 1903 г.

Приводимъ также упомянутое его письмо въ отвѣтъ на обращеніе знакомаго еврея, просившаго его печатно высказаться по поводу этого событія.

„Я получилъ ваше письмо. Такихъ писемъ я получилъ уже нѣсколько. Всѣ пишущіе такъ же, какъ и вы, требуютъ отъ меня, чтобы я высказалъ свое мнѣніе о кишиневскомъ событіи. Мнѣ кажется, что въ этихъ обращеніяхъ ко мнѣ есть какое-то недоразумѣніе. Предполагается, что мой голосъ имѣетъ вѣсъ, и поэтому отъ меня требуютъ выска-

зыванія моего мнѣнія о такомъ важномъ и сложномъ по своимъ причинамъ событіи, какъ злодѣйство, совершенное въ Кишиневѣ.

Недоразумѣніе состоитъ въ томъ, что отъ меня требуется дѣятельность публициста, тогда какъ я человѣкъ, весь занятый однимъ очень опредѣленнымъ вопросомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ оцѣнкою современныхъ событій: именно вопросомъ религіознымъ и его приложеніемъ къ жизни. Требовать отъ меня публичнаго выраженія мнѣнія о современныхъ событіяхъ — такъ же неосновательно, какъ требовать этого отъ какого бы то ни было спеціалиста, пользующагося нѣкоторою извѣстностью. Я могу, — и дѣлалъ это, — воспользоваться какимъ-либо современнымъ событіемъ для иллюстраціи проводимой мною мысли, но отзываться на всѣ современныя, хотя бы и очень важныя событія, какъ это дѣлаютъ публицисты, я никакъ не могу, если бы даже считалъ это нужнымъ. Если бы я поступалъ такъ, то я долженъ бы былъ высказывать мнѣнія необдуманныя или пошлыя, повторяя то, что̀ было уже сказано другими, и тогда очевидно, и не существовало бы того значенія, моего мнѣнія,

на основаніи котораго требуютъ отъ меня его высказыванія.

Что же касается моего отношенія къ евреямъ, и къ ужасному кишиневскому событію, то оно, казалось бы, должно быть ясно всѣмъ тѣмъ, кто интересовался моимъ міровоззрѣніемъ. Отношеніе мое къ евреямъ не можетъ быть инымъ, какъ отношеніе къ братьямъ, которыхъ я люблю не за то, что они евреи, а за то, что мы и они, какъ и всѣ люди, сыны одного Отца Бога, и любовь эта не требуетъ отъ меня усилій, такъ какъ я встрѣчалъ и знаю очень хорошихъ людей евреевъ.

Отношеніе же мое къ кишиневскому преступленію тоже само собой опредѣляется моимъ религіознымъ міровоззрѣніемъ. Еще не зная всѣхъ ужасныхъ подробностей, которыя стали извѣстны потомъ, по первому газетному сообщенію я понялъ весь ужасъ совершившагося и испыталъ тяжелое смѣшанное чувство жалости къ невиннымъ жертвамъ звѣрства толпы, недоумѣнія передъ озвѣреніемъ этихъ людей, будто бы христіанъ, чувство отвращенія и омерзенія къ тѣмъ, такъ называемымъ, образованнымъ людямъ, которые возбуждали толпу и сочувствовали ея

дѣламъ, и, главное, ужаса передъ настоящимъ виновникомъ всего, нашимъ правительствомъ съ своимъ одуряющимъ и фанатизирующимъ людей духовенствомъ и съ своей разбойнической шайкой чиновниковъ. Кишиневское злодѣйство есть только прямое послѣдствіе проповѣди лжи и насилія, которая съ такимъ напряженіемъ и упорствомъ ведется русскимъ правительствомъ.

Отношеніе же къ этому событію правительства есть только новое доказательство его грубаго эгоизма, не останавливающагося ни передъ какими жестокостями, когда дѣло идетъ о подавленіи кажущагося ему опаснымъ движенія, и его полнаго равнодушія, — подобнаго равнодушію турецкаго правительства къ армянскимъ побоищамъ, — къ самымъ ужаснымъ жестокостямъ, если только онѣ не касаются его интересовъ.

Вотъ все, что̀ я могъ бы сказать по случаю кишиневскаго дѣла, но все это я давно уже высказалъ.

Если же вы спросите меня, что̀ по моему нужно дѣлать евреямъ, то отвѣтъ мой тоже самъ собой вытекаетъ изъ того христіанскаго ученія, которое я стараюсь понимать

и которому стараюсь слѣдовать. Евреямъ, какъ и всѣмъ людямъ, для ихъ блага нужно одно: какъ можно болѣе въ жизни слѣдовать всемірному правилу — поступать съ другими такъ, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой, и бороться съ правительствомъ не насиліемъ — это средство надо предоставить правительству, — а добрую жизнью, исключающей не только всякое насиліе надъ ближнимъ, но и участіе въ насиліи и пользованіе для своихъ выгодъ орудіями насилія, учрежденными правительствомъ.

Вотъ все — очень старое и извѣстное, что я имѣю сказать, по случаю ужаснаго кишиневскаго событія."

Левъ Толстой.

Ясная Поляна, 27 Апрѣля 1903 г.

III.

Домъ № 13.

(Эпизодъ изъ кишиневскаго погрома.)

I.

Я пріѣхалъ въ Кишиневъ спустя два мѣсяца послѣ погрома, но его отголоски были еще свѣжи и рѣзко отдавались по всей Россіи. Въ Кишиневѣ полиція принимала самыя строгія мѣры, но слѣды погрома изгладить было трудно; даже на большихъ улицахъ виднѣлось еще много разбитыхъ дверей и оконъ. На окраинахъ города этихъ слѣдовъ было еще больше. Въ Петербургѣ еврей Дашевскій ударилъ ножомъ г-на Крушевана и, что было еще страннѣе, — другой еврей, врачъ, хотѣлъ подать раненному первую помощь. Г-нъ Крушеванъ въ ужасѣ откинулся отъ помощи и писалъ, что „душа Дашевскаго

принадлежитъ ему"; вмѣстѣ съ г-номъ Комаровымъ онъ требовалъ для Дашевскаго смертной казни, на томъ основаніи что онъ, г-нъ Крушеванъ, не простой человѣкъ, а „человѣкъ государственной идеи". А дня два или три спустя, уже во время пребыванія моего въ Кишиневѣ, три неизвѣстныхъ молодыхъ человѣка кинулись на шедшаго изъ училища еврейскаго юношу, и одинъ изъ нихъ ткнулъ его въ бокъ кинжаломъ; кинжалъ былъ направленъ гораздо искуснѣе, чѣмъ у Дашевскаго, и только книга, которая была у юнаго еврея подъ застегнутымъ пиджакомъ, ослабила ударъ, но не избавила его отъ раны. Еврейскій юноша, мирно шедшій изъ училища, не былъ, разумѣется, „человѣкомъ государственной идеи" и потому о происшествіи (по крайней мѣрѣ, за все время моего пребыванія) не только г. Комаровъ и г. Крушеванъ, но и мѣстная газета „Бессарабецъ" не говорила ни одного слова, только кишиневскіе евреи передавали объ этомъ съ весьма понятной тревогой.

Говорили, между прочимъ, будто этотъ ударъ, нанесенный школьнику, есть отвѣтъ на покушеніе Дашевскаго. Какъ это ни не-

лѣпо, но, говорятъ, это похоже на правду. Впрочемъ, „все (теперь) похоже на правду, все можетъ случиться въ городѣ Кишиневѣ“, гдѣ самый воздухъ еще весь насыщенъ дикой враждой и ненавистью. Жизнь города какъ бы притихла. Постройки пріостановились; евреи охвачены страхомъ и неувѣренностью въ завтрашнемъ днѣ.

II.

Въ такіе дни я пріѣхалъ въ Кишиневъ, и стараясь разъяснить себѣ страшную и загадочную драму, которая здѣсь разыгралась такъ недавно, бродилъ по городу, по предмѣстьямъ, по улицамъ и базарамъ, заговаривая о происшедшемъ съ евреями и христіанами.

Я, конечно, не имѣю претензіи разъяснить здѣсь сколько нибудь исчерпывающимъ образомъ этотъ потрясающій эпизодъ, этотъ изумительный процессъ быстраго, почти внезапнаго исчезновенія всѣхъ культурныхъ задержекъ, изъ-подъ которыхъ неожиданно прорывается почти доисторическое звѣрство. „Нѣтъ

ничего тайнаго, что бы не стало явнымъ". Очень можетъ быть, что и всѣ пружины этого преступнаго дѣла когда-нибудь выступятъ наружу и все оно станетъ понятно, какъ механизмъ разобранныхъ часовъ. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что и затѣмъ останется еще нѣкоторый остатокъ, который трудно будетъ свести на тѣ или другія обстоятельства даннаго мѣста и даннаго времени. И это будетъ вѣчно волнующій вопросъ о томъ, — какимъ образомъ человѣкъ, обыкновенный средній недурной человѣкъ, съ которымъ порой пріятно вести дѣло въ обычное время, вдругъ превращается въ дикаго звѣря, въ цѣлую толпу дикихъ звѣрей.

Нужно много времени и труда, нужно очень широкое, внимательное изученіе, что-бы просто возстановить картину во всей ея полнотѣ. Для этого у меня нѣтъ возможности, да, можетъ быть, для этого еще не наступило и время. Хотѣлось бы думать, что судъ сдѣлаетъ это, хотя есть основаніе опасаться, что и судъ этого не слѣлаетъ. . . Но мнѣ хочется всетаки подѣлиться съ читателемъ хоть бѣднымъ отраженіемъ этого ужаса, которымъ пахнуло на меня отъ моего короткаго пребы-

ванія въ Кишиневѣ, спустя два мѣсяца послѣ погрома. Для этого я попытаюсь востановить, по возможности точно и спокойно, одинъ эпизодъ.

Это будетъ исторія знаменитаго нынѣ въ Кишиневѣ „дома № 13“.

III.

Домъ № 13 расположенъ въ 4-мъ участкѣ города Кишинева, въ переулкѣ, который носитъ названіе „Азіатскаго“, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ соединяется съ Ставрійскимъ переулкомъ. Впрочемъ названіе этихъ узкихъ, кривыхъ и запутанныхъ улицъ и переулковъ даже кишиневцы знаютъ довольно плохо, и еврей извозчикъ (здѣсь очень много извозщиковъ евреевъ, и среди нихъ тоже были раненные и убитые) сначала не понялъ, куда намъ надо. Тогда мой спутникъ, который больше трехъ недѣль дышалъ кишиневскимъ воздухомъ и успѣлъ оріентироваться среди мѣстныхъ „достопримѣчательностей“, связанныхъ съ погромомъ, пояснилъ: Домъ тринадцатый . . . Гдѣ убивали . . .

— . . . А . . . знаю, — сказалъ извозчикъ, мотнулъ головой и хлеснулъ свою лошадь, тощую, какъ и онъ самъ и какъ онъ, невзрачную и унылую. Лица его мнѣ не было видно, но я слышалъ, какъ онъ бормоталъ что-то въ бороду. Мнѣ казалось, что я разслышалъ слова: „Нисензонъ“ и „Стекольщикъ“.

Нисензонъ и Стекольщикъ это еще недавно были живые люди. Теперь это только символы, воплощающіе ужасъ недавнаго погрома . . .

Ѣхали мы долго и, миновавъ людныя широкія и сравнительно культурныя улицы новаго города, долго вертѣлись по узкимъ, кривымъ, очень своеобразнымъ переулкамъ стараго Кишинева, гдѣ камень, черепица и известка глушатъ тонкія деревца, ростущія тоже изъ камня, и гдѣ, кажется, носятся еще тѣни какихъ-то старыхъ исторій временъ боярства, а можетъ быть и турецкихъ набѣговъ. Дома здѣсь малы, много каменныхъ стѣнъ, какъ бы маскирующихъ входы во дворы, кое гдѣ сохранились узкія окна, точно бойницы.

Наконецъ, по одному изъ такихъ переулковъ мы спустились къ искомому дому. Невысокій, крытый, какъ всѣ кишиневскіе дома,

черепицей, онъ стоитъ на видномъ мѣстѣ, на углу, въ сосѣдствѣ съ небольшой площадью, какъ бы выдаваясь въ нее тупымъ мысомъ. Кругомъ виднѣются убогіе домики подъ черепицей, значительно меньше и невзрачнѣе. Но, между тѣмъ какъ всѣ они производятъ впечатлѣніе жилыхъ, домъ № 13 похожъ на мертвеца: онъ сіяетъ на улицу пустыми окнами съ исковерканными и выбитыми рамами, съ дверьми, заколоченными кое-какъ досками и разными обломками. . .

Нужно отдать справедливость кишиневской полиціи: хотя она не особенно противилась погрому, но теперь принимаетъ энергичныя мѣры по отношенію къ евреямъ, понуждая ихъ къ скорѣйшему приведенію въ порядокъ разрушенныхъ и поврежденныхъ зданій. Но надъ хозяиномъ дома № 13 она уже не имѣетъ никакой власти.

Дворъ еще носитъ краснорѣчивые слѣды разгрома: весь онъ усѣянъ пухомъ, обломками мебели, осколками разбитыхъ оконъ и посуды и обрывками одежды. Достаточно взглянуть на все это, чтобы представить себѣ картину дикаго ожесточенія: мебель изломана въ мелкія щепки, посуда растоптана ногами, одежда

изодрана въ клочья; въ одномъ мѣстѣ еще валяется оторванный рукавъ, въ другомъ — обрывокъ дѣтской кофточки. Рамы съ оконъ сорваны, двери разбиты, кое-гдѣ выломанные косяки висятъ въ черныхъ впадинахъ оконъ, точно перебитыя руки.

Въ одномъ углу двора, подъ навѣсомъ, у входа въ одну изъ квартиръ еще виднѣется ясно большое бурое пятно, въ которомъ не трудно узнать засохшую кровь. Она тоже смѣшана съ обломками стекла, съ кусками кирпича, известкой и пухомъ.

IV.

— Здѣсь убивали Гриншпуна . . . — сказалъ кто-то около насъ, страннымъ глухимъ голосомъ.

Когда мы входили въ этотъ дворъ, все было здѣсь мертво и пусто. Теперь рядомъ съ нами стояла дѣвочка лѣтъ 10—12. Впрочемъ, это казалось по росту и фигурѣ. По выраженію лица можно было дать гораздо больше, глаза глядѣли совсѣмъ не дѣтски. Этотъ ребенокъ видѣлъ все, что здѣсь дѣлалось еще такъ недавно. Для нея вся эта картина раз-

рушенія на молчаливомъ дворѣ подъ знойными лучами солнца была полна незабываемаго ужаса. Послѣ этого она ложилась много разъ спать, просыпалась, вставала, дѣлала все, что дѣлала и прежде, и, значитъ, „успокоилась“. Но этотъ не дѣтскій ужасъ, который долженъ былъ исказить это дѣтское лицо, весь не исчезъ. Онъ оставилъ по себѣ постоянный осадокъ въ видѣ не дѣтскаго выраженія въ глазахъ и какъ то застывшей судороги въ лицѣ. Голосъ у нея былъ какъ бы придушенный, а рѣчь ея было тяжело слушать: звуки этой рѣчи выходили съ усиліемъ, какъ у автомата и, становясь рядомъ, образовали механическія слова, не производившія впечатлѣніе живой рѣчи.

— . . . Онъ вотъ тутъ . . . бѣжалъ . . .— говорила она, тяжело переводя дыханіе, показывая рукой по направленію къ навѣсу и лужѣ крови.

— Кто это? Стекольщикъ? — спросилъ мой спутникъ.

— Да-а . . . Стекольщикъ. Онъ бѣжалъ сюда . . . И онъ упалъ, вотъ здѣсь. И они его убивали.

V.

Съ невольнымъ ощущеніемъ дрожи и ужаса мы отошли отъ этого пятна, въ которомъ кровь перемѣшалась съ известкой, грязью и пухомъ. . .

Въ домѣ все было разрушено съ такимъ же стараніемъ, какъ и во дворѣ: сорваны обои, выломаны двери, разломаны печи, стѣны пробивались на сквозь. Эта чрезвычайная „тщательность“ дикаго разрушенія породила въ городѣ легенду, будто передъ погромомъ одинъ изъ полуинтелигентныхъ и довольно вліятельныхъ „антисемитовъ“ заготовилъ цѣлую партію ломовъ съ крючками, розданную погромщикамъ и отобранную обратно особенными „агентами“. Трудно сказать, сколько тутъ правды, но въ самомъ слухѣ не мало характерности. Какъ бы то ни было, теперь трудно представить, что еще недавно въ развалинѣ, которую мы разсматриваемъ, текла обычная мирная жизнь.

Домъ № 13 состоялъ изъ семи квартиръ, въ которыхъ по обыкновенію, скучено и тѣсно жило 8 еврейскихъ семей, всего около 45 человѣкъ (съ дѣтьми). Хозяиномъ его былъ

Моша Маклинъ, комиссіонеръ и владѣлецъ скромной лавки въ городѣ. На всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, то есть въ качествѣ домовладѣльца, комиссіонера и лавочника, онъ получалъ до 1500 рублей въ годъ. Среди остальныхъ обивателей дома онъ, конечно, долженъ былъ считаться богачемъ и счастливцемъ. Самъ онъ впрочемъ въ домѣ № 13 не жилъ, но одну изъ квартиръ занимала дочь его съ мужемъ и дѣтьми.

Одинъ изъ видныхъ жильцовъ былъ мелкій лавочникъ, Навтула Серебренникъ. Лавка его была въ самомъ углу. Теперь ее можно узнать по обломкамъ деревянныхъ ларей, составлявшихъ прилавокъ и валяющихся на грязномъ полу среди ободранныхъ стѣнъ.

Затѣмъ въ домѣ жили еще: приказчикъ галантерейной лавки — Берлацкій, съ женой и четырьмя дѣтьми. Онъ зарабатывалъ 48 рублей въ мѣсяцъ. Нисензонъ, человѣкъ лѣтъ 46, былъ „бухгалтеромъ“, т. е. ставилъ бухгалтерскія книги и заводилъ денежную отчетность. Эту, отчасти, ученую профессію онъ выполнялъ сдѣльно, вырабатывая рублей по 25—30 въ мѣсяцъ. Гофша Паскаръ служилъ приказчикомъ, получалъ руб. 35. У него

была жена Ита и двое дѣтей. Ицикъ Гервицъ былъ служителемъ больницы, но въ послѣднее время, кажется, бѣдствовалъ, оставшись безъ мѣста. Гофша Туркеничъ имѣлъ столярную мастерскую, въ которой держалъ трехъ рабочихъ, а Бася Барабашъ торговала мясомъ. Наконецъ, стекольщикъ Гриншпунъ ежедневно отправлялся съ оконными стеклами и возвращался вечеромъ домой со своимъ заработкомъ.

Цыфры взяты изъ показаній потерпѣвшихъ и ихъ родственниковъ. Изъ нихъ видно, какими богачами былъ населенъ домъ № 13-й. Между тѣмъ показанія, данныя при заявленіи убытковъ, можно скорѣе заподозрить въ преувеличеніяхъ, чѣмъ въ утайкѣ. . .

Такъ мирно и тихо жилъ этотъ домъ до 6-го апрѣля настоящаго года. Нисензонъ ходилъ по лавкамъ и ставилъ въ нихъ бухгалтерію, Берлацкій и Гофша Паскаръ продавали товары въ чужихъ лавкахъ, Навтула Серебренникъ отпускалъ сосѣдямъ евреямъ, молдаванамъ и русскимъ свѣчи, мыло, спички, керосинъ, дешевый ситецъ, и дешевыя конфеты, Ицикъ Гервицъ искалъ мѣста, а сте-

кольщикъ Гриншпунъ вставлялъ разбитыя окна . . . И никто не предчувствовалъ того, что должно было случиться.

6-го апрѣля, въ первый день величайшаго изъ христіанскихъ праздниковъ, въ городѣ начались погромы. Вѣсть о нихъ, конечно, распространилась по всему Кишиневу, и легко представить, какіе часы пережили жильцы тѣсно набитаго евреями дома № 13 при разсказахъ о томъ, что происходитъ въ городѣ и какъ относится къ тому православное общество и начальство. Впрочемъ говорили, что происходитъ это потому, что губернаторъ ждетъ какого-то „приказа“. Ночью приказъ долженъ придти непремѣнно, и значитъ — утромъ все будетъ спокойно.

Къ вечеру безпорядки сами собой затихли, и ночь прошла въ страхѣ, но безъ погромовъ.

VI.

То, что произошло въ слѣдующее утро, бывшіе жильцы дома № 13 и ихъ сосѣди описываютъ слѣдующимъ образомъ:

Около 10 часовъ утра появился городовой (бляха № 148), человѣкъ хорошо, конечно, извѣстный въ данной мѣстности, который, очевидно, заботясь о судьбѣ евреевъ, громко совѣтывалъ всѣмъ имъ спрятаться въ квартиры и не выходить на улицу. Евреи, конечно, исполнили этотъ совѣтъ, и тѣсныя еврейскія квартирки наполнились испуганными жильцами. Дверь, ворота и ставни были заперты, и вся площадь около Азіатскаго переулка замерла въ пассивномъ ожиданіи.

Я имѣю основаніе думать, что эта картина, — запертыя ставни, опустѣвшія улицы и пассивное ожиданіе того, что должно случиться, является характерной для предмѣстій Кишинева въ началѣ второго дня погрома. Я имѣлъ печальную возможность видѣть и говорить съ однимъ изъ потерпѣвшихъ въ другомъ мѣстѣ. Это нѣкто Мейеръ Зельманъ Вейсманъ. До погрома онъ былъ слѣпъ на одинъ глазъ. Во время погрома кто-то изъ „христіанъ“ счелъ нужнымъ выбить ему и другой. На мой вопросъ, — знаетъ ли онъ, кто это сдѣлалъ, онъ отвѣтилъ совершенно эпическимъ тономъ, что точно этого не знаетъ. Но одинъ мальчикъ, сынъ сосѣда, захвастался,

что это сдѣлалъ именно онъ, посредствомъ желѣзной гири, привязанной на веревку.

Этотъ Зельманъ жилъ около бойни, на Магалѣ (предмѣстьи).

Совершенне также, какъ и жильцы дома № 13, въ этомъ предмѣстьи всѣ слышали съ большой тревогой о томъ, что происходило въ городѣ, также ждали „приказа", который придетъ въ ночь и не допуститъ дальнѣйшихъ безпорядковъ. И такъ же на слѣдующее утро въ предмѣстье, еще неиспытавшее погрома и только ожидавшее со страхомъ и недоумѣніемъ, — изъ города явился мѣстный же городовой, стоявшій около боень. Его тотчасъ-же окружили жители предмѣстья — молдаване, сосѣди евреевъ.

Мейеръ Вейсманъ не слышалъ, что имъ говорилъ городовой. Я не предполагаю, что городовой говорилъ что нибудь дурное или прямо подстрекающее. Я думаю, что онъ только не чувствовалъ себя оффиціальнымъ лицомъ и говорилъ, какъ съ добрыми сосѣдями, одну чистую правду. А правда состояла въ томъ, что онъ вернулся на свой постъ безъ всякихъ спеціальныхъ приказовъ, и въ городѣ видѣлъ, какъ погромъ идетъ съ уси-

ливавшейся жестокостью въ присутствіи войскъ и полиціи.

Изъ этого сообщенія молдаване, жившіе около бойни, сдѣлали свои выводы. Они стали держать совѣтъ, который исходилъ изъ общаго положенія, что имъ, живущимъ около боенъ, очевидно нужно дѣлать то же, что дѣлаютъ въ другихъ мѣстахъ города Кишинева. Изъ этого совѣщанія Вейсманъ передаетъ одну подробность: вопросъ шелъ о двухъ братьяхъ евреяхъ. Толпа рѣшила, что „одного изъ нихъ можно оставить“.

Затѣмъ евреи стали прятаться, гдѣ кто могъ. Мейера Вейсмана съ семьей скрылъ у себя добрый человѣкъ, сосѣдъ молдаванинъ, но жена его пришла съ улицы и сказала, что толпа грозитъ расправиться за это и съ ними. Тогда — говорилъ Мейеръ Вейсманъ, — „мы стали бѣгать“. Ему пришлось потерять много времени для того, чтобы пристроить хоть маленькихъ дѣтей въ семьѣ одного зажиточнаго соотечественника, принявшаго христіанство. Его дочери принимали малютокъ, но отецъ три раза выбрасывалъ ихъ обратно черезъ заборъ. Пришлось скрываться вмѣстѣ съ малютками, Мейеръ Вейсманъ бѣжалъ на сало-

топный дворъ. Черезъ нѣкоторое время туда пришли молдаване съ дрючками и стали бить. Больше ничего онъ не помнитъ. Хотя исторія Вейсмана составляетъ нѣкоторое отступленіе отъ прямой нити моего повѣтствованія о домѣ № 13, но я хочу досказать ее. Когда онъ очнулся въ больницѣ, то первый вопросъ его былъ о семьѣ и о дочери.

— Ита. Гдѣ моя Ита?

— Я здѣсь, — отвѣтила Ита, стоявшая у постели. Но больной заметался сильнѣе и назвалъ опять: „Ита, Ита, гдѣ же ты?“. . . . Когда она наклонилась къ нему и опять повторила, что она здѣсь, — Мейеръ Вейсманъ, не понимая еще, что случилось, сталъ шарить въ воздухѣ руками и жаловаться, что не видитъ дочери.

Онъ ее не видѣлъ потому, что „христіанскій мальчикъ“ выбилъ гирой ему другой глазъ, вѣроятно, для симметріи. Впрочемъ... многіе думаютъ, что Мейеръ Вейсманъ „самъ виноватъ“ и уже съ „избыткомъ вознагражденъ“ за то, что никогда не можетъ увидѣть любимую дочь . . . Что же касается „христіанскаго мальчика“, совершавшаго надъ евреемъ операцію съ гирей, то онъ, конечно,

не заслуживаетъ словъ укоризны. Онъ скорѣе является „жертвой“ . . .

Что-жъ, можетъ быть, это и правда. Войти въ жизнь съ такимъ дѣломъ на совѣсти . . . какой ужасъ, если „христіанскій мальчикъ“ пойметъ, что онъ сдѣлалъ. Если же не пойметъ, то онъ, дѣйствительно, жертва, еще болѣе несчастная. Только . . . дѣйствительно ли это Мейеръ Вейсманъ повиненъ въ этой жертвѣ? . . .

VII.

Совершенно такъ же, какъ около боенъ, начиналась, повидимому, и трагедія дома № 13. Городовой (бляха № 148) такъ же, какъ его сослуживецъ, вернулся утромъ изъ города, гдѣ, вѣроятно, ждалъ ясныхъ и точныхъ приказаній, такъ же не получилъ ихъ, такъ же явился въ свой кварталъ и такъ же не могъ дать другого совѣта, кромѣ:

— Эй, жиды, прячьтесь по домамъ и сидите тихо.

И такъ же, какъ около бойни, въ числѣ громилъ явились сосѣди изъ окрестныхъ улицъ и переулковъ.

Городовой бляха № 148, отдавъ свое благожелательное распоряженіе, сѣлъ на тумбу, такъ какъ явно ему больше ничего не оставалось дѣлать и, говорятъ, просидѣлъ здѣсь все время, въ качествѣ незамѣнимой „натуры“ для какого нибудь скульптора, который бы пожелалъ изобразить эмблему „величайшаго изъ христіанскихъ праздниковъ въ гор. Кишиневѣ“. А рядомъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого философа, трагедія еврейскихъ лачугъ во всемъ своемъ стихійномъ ужасѣ. Толпа явилась около 11 часовъ, въ сопровожденіи двухъ патрулей, которые, къ сожалѣнію, тоже „не имѣли никакихъ приказаній“. Она состояла изъ человѣкъ 50 или 60, и въ ней легко было замѣтить добрыхъ сосѣдей съ молдаванскими фамиліями. Говорятъ, они прежде всего подступили къ винной лавкѣ, съ хозяиномъ которой, впрочемъ, поступили довольно благодушно. Ему сказали: „дай 30 рублей, а то убьемъ“. Онъ далъ 30 рублей и остался живъ, — конечно спрятавшись куда было можно, что бы все таки не быть на виду . . . и не искушать снисходительность дикой толпы. . . Послѣдняя же приступила къ погрому. Площадь въ нѣсколько

минутъ покрылась стекломъ, обломками мебели и пухомъ.

Вскорѣ, однако, всѣ почувствовали, что самое главное должно произойти около дома Мошки Маклина. . .

Почему? Сказать трудно. Былъ ли дѣйствительно у этихъ громилъ какой нибудь планъ, руководила ли ими какая-то тайная организація, какъ это многіе говорятъ въ Кишиневѣ, или ярость толпы — это слѣпой призракъ съ закрытыми глазами, устремляющійся съ чисто стихійной безсознательностью, — это вопросъ, который, можетъ быть, разрѣшитъ (а можетъ быть и не разрѣшитъ) предстоящее судебное разбирательство. Какъ бы то ни было, въ домѣ № 13 къ грохоту камней, треску стѣнъ и звону стеколъ вскорѣ должны были присоединиться крики убійства и смерти. . .

Налѣво отъ воротъ, въ углу, около котораго сохранилась лужа крови до сихъ поръ, есть нѣсколько небольшихъ деревянныхъ сараевъ. Въ одинъ изъ нихъ спрятались отъ толпы громилъ стекольщикъ Гриншпунъ, его жена съ двумя дѣтьми, Ита Паскаръ тоже съ двумя дѣтьми и еще дѣвочка 14 лѣтъ,

служанка. Изнутри сарай не запирался и вообще всѣ эти сараи напоминаютъ карточные ящики. Преимущество ихъ было только то, что въ нихъ нечего было ломать и грабить, и евреи разсчитывали, что здѣсь они будутъ не на виду. О защитѣ нечего было и думать; въ домѣ было только 3 мужчинъ; городовой № 148, не получивъ никакихъ приказаній, сидѣлъ на тумбѣ, а два патруля стояли въ переулкахъ выше и ниже разрушеннаго дома. А въ толпѣ уже совершилось загадочное наростаніе стихійнаго процесса, при которомъ изъ тонкаго налета христіанской культуры прорываются вспышки животнаго звѣрства. Разгромъ былъ въ разгарѣ: окна были выбиты, рамы сорваны, печи разрушены, мебель и посуда обращены въ осколки. Листки изъ священныхъ книгъ валялись на землѣ, горы пуху лежали во дворѣ и кругомъ дома, пухъ носился по воздуху и устилалъ деревья, какъ иней. Среди этого безумнаго ада изъ грохота, звона, дикаго гоготанія, смѣха и воплей ужаса, — въ громилахъ просыпалась уже жажда крови. Они безчинствовали слишкомъ долго, чтобы остаться людьми.

Прежде всего кинулись въ сарай. Здѣсь былъ только одинъ мущина — стекольщикъ Гриншпунъ. Сосѣдъ съ молдаванской фамиліей, котораго вдова Гриншпуна называла по фамиліи, какъ хорошаго знакомаго, первый ударилъ стекольщика ножомъ въ шею. . . . Несчастный кинулся изъ сарая, но его схватили, поволокли подъ навѣсъ и здѣсь докончили дубинами именно на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь сохранилось кровяное пятно.

На вопросъ, — дѣйствительно ли вдова убитаго знаетъ убійцу и не ошибается, что это былъ не захожій разбойникъ, не албанецъ изъ Турціи и не бѣглый каторжникъ изъ тюрьмы, еврейка сказала съ убѣжденіемъ:

— Я держала ребенкомъ на свои руки, дай Богъ такъ жить, какъ хорошіе были знакомые.

Этотъ „хорошій знакомый“ и нанесъ первый ударъ ножомъ въ домѣ № 13. Послѣ этого положеніе опредѣлилось: первый предсмертный стонъ стекольщика далъ понять и евреямъ, и, быть можетъ, самой толпѣ, чего отъ нея слѣдуетъ ожидать дальше. „Евреи заметались, какъ мыши въ ловушкѣ“, — выраженіе одного изъ кишиневскихъ „христіанъ“,

веселаго человѣка, который и въ подобныхъ эпизодахъ находилъ поводы для веселья. . . .

Нѣкоторые изъ нихъ кинулись на чердакъ. . .

VIII.

Въ томъ самомъ навѣсѣ, подъ которымъ былъ убитъ Гриншпунъ, есть вверху темное отверстіе, представляющее ходъ на чердакъ. Ходъ тѣсный и неудобный. Первый кинулся туда Берлацкій съ дочерью, за ними послѣдовалъ домохозяинъ Маклинъ.

Маклинъ, какъ было уже сказано, не жилъ въ этомъ домѣ. Но здѣсь жила его дочь, и обезпокоенный ея судьбой, онъ явился на мѣсто трагедіи. Дочери онъ не засталъ, она уже ранѣе уѣхала въ городъ съ дѣтьми . . . Теперь ему приходится спасаться самому.

Всѣ трое проникли на чердакъ безпрепятственно. Изъ этого слѣдуетъ, конечно, заключить, что далеко не вся толпа была проникнута жаждой крови, иначе, несомнѣнно, ихъ бы не допустили скрыться въ этомъ темномъ отверстіи, куда приходилось пролѣзать

съ трудомъ, на виду у погромщиковъ, находившихся на дворѣ. Они скрылись, значитъ, ихъ допустили скрыться люди, которые считали для себя удовольствіемъ (или обязанностью) громить имущество, но не убивать людей. Однако, вскорѣ за бѣглецами кинулись на чердакъ и убійцы. . .

Чердакъ № 13 — мрачное, полутемное, помѣщеніе, загроможденное балками, боровами трубъ и подпорками крыши. Несчастные бѣглецы, сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ (домъ расположенъ покоемъ) увидѣли все таки, что здѣсь, въ полутьмѣ чердака, душнаго и тѣснаго, имъ не скрыться, и слыша сзади крики погони, они въ отчаяніи стали ломать крышу.

Два черныхъ отверстія съ разметанными вокругъ черепицами еще видны на крышѣ дома № 13 въ то время, когда я пишу эти строки. У одного изъ нихъ лежалъ во время нашего посѣщенія синій желѣзный умывальный тазъ. . . Нужно было много отчаянія, чтобы въ нѣсколько минутъ смертельной опасности голыми руками пробить эти отверстія, но это имъ удалось: они хотѣли во что бы то ни стало взобраться еще разъ на верхъ. Тамъ былъ опять свѣтъ солнца, кругомъ

стояли дома, были люди, толпа людей, городовой № 148, патрули. . . Это былъ всетаки день, свѣтъ солнца . . . и люди.

И они проломали въ крышѣ два отверстія. Первымъ пролѣзъ въ одно изъ нихъ Мойша Маклинъ, такъ какъ онъ былъ человѣкъ маленькій и легкій (характеристика одного изъ очевидцевъ). Берлацкому же предстояло сначала подсадить дочь Хайку. Затѣмъ, когда онъ полѣзъ самъ, то одинъ изъ преслѣдователей былъ уже тутъ и схватилъ его за ногу . . .

И вотъ на глазахъ у всей толпы началась отчаянная борьба. Дочь тащила отца къ верху, снизу его держалъ одинъ изъ преслѣдователей. Борьба, конечно, была не равная и, разумѣется, Берлацкому не увидѣть бы еще разъ солнечнаго свѣта . . . . Но тутъ Хайка Берлацкая перестала тянуть отца и, наклонившись къ отверстію, попросила громилу отпустить его.

Онъ отпустилъ . . .

Пусть этому человѣку отпустится часть его вины за то, что хоть на одно короткое мгно-

веніе, среди этой тьмы изступленнаго звѣрства, онъ допустилъ въ свою душу лучь человѣческой жалости, что страхъ дочери-еврейки за жизнь еврея-отца всетаки проникъ въ это омраченную душу . . . . . Онъ отпустилъ жида . . .

Что онъ дѣлалъ послѣ этого? Можетъ быть, ушелъ съ побоища, устыженный и прозрѣвшій, внявъ голосу Бога, который, какъ объ этомъ говорятъ всѣ религіи, проявляется въ любви и братствѣ, а не въ убійствѣ беззащитныхъ . . . А можетъ быть онъ очнулся отъ мгновеннаго порыва и „раскаялся“, но не въ порывѣ звѣрства, а въ движеніи человѣческой жалости къ убиваемымъ евреямъ, какъ это мы видѣли и на другихъ примѣрахъ.

Какъ бы то ни было, — три жертвы оказались на поверхности крыши. Еще разъ они увидѣли свѣтъ Божій, и площадь, и дома сосѣдей, и синее небо и солнце, и городового бляха № 148 на тумбѣ, и патрулей, ждавшихъ приказа, и можетъ быть еще того священника, который, руководящій христіанскимъ сознаніемъ, пытался, одинъ и безоружный, подойти къ разсвирѣпѣвшей толпѣ громилъ.

Этотъ священникъ случайно проходилъ по площади, и евреи, которые смотрѣли изъ сосѣднихъ домовъ на то, что творилось въ домѣ № 13, — стали просить, чтобы онъ заступился. Имени священника я, къ сожалѣнію, не знаю. Повидимому, это былъ добрый человѣкъ, который не думалъ, что есть на „святой Руси“ или гдѣ бы то ни было такой народъ, который заслужилъ, чтобы его людей убивали за какіе то огульные грѣхи, какъ дикихъ звѣрей. Не думалъ онъ, очевидно, и того, что могутъ быть на Руси люди, которые имѣютъ право убивать только беззащитныхъ евреевъ, не стыдясь свѣта дня и солнца. Непосредственное, первое, самое правильное побужденіе заставило его подойти къ толпѣ съ словомъ христіанскаго увѣщанія. Но громилы пригрозили ему, и онъ отступилъ. Это, очевидно, былъ просто добрый человѣкъ, но не герой христіанскаго долга. Надо думать, что, по крайней мѣрѣ, онъ не стыдится своей попытки и своего перваго побужденія.

Въ эту ли самую минуту или въ другую — произошелъ этотъ эпизодъ, — во всякомъ случаѣ три жертвы очутились на крышѣ,

среди города, среди сотенъ людей, — безъ всякой защиты. Вслѣдъ за ними въ тѣ же отверстія показались убійцы.

Они стали бѣгать кругомъ по крышѣ, перебѣгая то на сторону двора, то появляясь надъ улицей, а за ними бѣгали громилы. Берлацкаго перваго ранилъ тотъ же сосѣдъ, который нанесъ ударъ Гриншпуну. А одинъ изъ громилъ кидалъ подъ ноги убѣгавшихъ синій умывальный тазъ, который лежалъ на крышѣ еще два мѣсяца спустя послѣ погрома . . . Тазъ ударялся о крышу и звенѣлъ. И, вѣроятно, толпа смѣялась . . .

Наконецъ, всѣхъ троихъ кинули съ крыши. Хайка попала въ гору пуха во дворѣ и осталась жива. Раненные Маклинъ и Берлацкій ушиблись при паденіи, а затѣмъ подлая толпа охочихъ палачей добила ихъ дрючками и со смѣхомъ закидала горой пуха . . . . Потомъ на это мѣсто вылили нѣсколько бочекъ вина, и несчастныя жертвы (о Маклинѣ говорятъ положительно, что онъ нѣсколько часовъ былъ еще живъ) задыхались въ этой грязной лужѣ изъ уличной пыли, вина и пуха.

IX.

Послѣднимъ убили Нисензона. Онъ съ женой спрятался въ погребѣ, но, услышавъ крики убиваемыхъ и понявъ, что въ домѣ № 13 уже вошли убійство и смерть, они выбѣжали на улицу. Нисензонъ успѣлъ убѣжать во дворъ напротивъ и могъ бы спастись, но за его женой погнались громилы. Онъ кинулся за ней и сталъ ее звать. Это обратило на него вниманіе. Жену оставили и погнались за мужемъ. Онъ успѣлъ добѣжать до дома № 7 по Азіатскому переулку. Здѣсь его настигли и убили. При этомъ называютъ двѣ фамиліи, одна съ окончаніемъ польскимъ, другая молдаванская. Передъ Пасхой шли дожди, въ ямахъ и по сторонамъ улицъ еще стояли лужи. Нисензонъ упалъ въ одну изъ такихъ лужъ, и здѣсь убійцы „полоскали“ жида въ грязи, какъ полощутъ и выкручиваютъ стираемую тряпку.

Послѣ этого толпа какъ бы удовлетворилась и уже только громила дома, но не убивала. Евреи изъ ближайшихъ домовъ вышли, чтобы посмотрѣть несчастнаго Нисензона. Онъ былъ еще живъ, очнулся и попросилъ

воды. Руки и ноги у него были переломаны. . . . Они вытащили его изъ лужи, дали воды и стали отмывать отъ грязи. Въ это время кто то изъ громилъ оглянулся и крикнулъ своимъ. Евреи скрылись. Нисензонъ остался одинъ. Тогда опять тотъ же человѣкъ, который убилъ Гриншпуна и первый ранилъ Берлацкаго, ударилъ несчастнаго ломомъ по головѣ и прикончилъ его страданія . . .

Затѣмъ толпа продолжала работать далѣе. Площадь была замогрождена обломками мебели, обрывками всякаго старья и выломанными рамами до такой степени, что проходить по ней было очень трудно. Одна еврейка разсказывала мнѣ, что ей нужно было пробраться на другой конецъ, гдѣ остались ея дѣти, на рукахъ у нея былъ грудной ребенокъ, и она напрасно дважды пыталась пройти. Наконецъ, знакомый христіанинъ взялъ у нея ребенка, и только тогда она кое какъ прошла черезъ эти безпорядочныя баррикады. . .

Въ пять часовъ этого дня стало извѣстно, что „приказъ", котораго съ такой надеждой евреи ждали съ перваго дня, наконецъ, полученъ. . .

Въ часъ или полтора во всемъ городѣ „водворилось спокойствіе“. Для этого не нужно было ни кровопролитія, ни выстрѣла. Нужна была только опредѣленность и ясный лозунгъ.

А теперь нужны будутъ годы, чтобы хоть сколько нибудь изгладить подлое воспоминаніе о случившемся, такимъ грязно кровавымъ пятномъ легшее на „совѣсть кишиневскихъ христіанъ“. . .

И не только на совѣсть тѣхъ, которые убивали сами, но и тѣхъ, которые подстрекали къ этому человѣконенавистничествомъ и гнусную ложью, которые смотрѣли и смѣялись, которые находятъ, что виноваты не убійцы, а убиваемые, которые находятъ, что можетъ существовать огульная безотвѣтственность и огульное безправіе. . .

X.

Я чувствую, какъ мало я даю читателю въ этой репортерской замѣткѣ. Но мнѣ хотѣлось все таки выдѣлить хоть одинъ эпизодъ изъ того спутаннаго и обезличеннаго хаоса,

который называется погромомъ, и хоть на одномъ конкретномъ примѣрѣ показать, что это было „въ натурѣ“. Для этого я пользовался живыми впечатлѣніями очевидцевъ, переданными отчасти мнѣ лично, частью же моему спутнику, который помогъ мнѣ возстановить черта за чертой эту картину. Правда, это основано на показаніяхъ евреевъ. Но нѣтъ основанія сомнѣваться въ ихъ достовѣрности; фактъ несомнѣненъ: въ домѣ № 13 убивали толпой беззащитныхъ людей. Убивали долго, среди люднаго города, точно въ темномъ лѣсу. Трупы на лицо. . . А затѣмъ, — не все ли равно евреямъ, какъ именно ихъ убивали? Для чего имъ выдумывать подробности? . . .

Мораль ясна для всякаго, въ комъ живо человѣческое чувство. . . Но во многихъ ли оно живо?

Этотъ тяжелый вопросъ встаетъ невольно, когда увидишь то, что мнѣ пришлось увидѣть въ Кишиневѣ.

XI.

А впрочемъ . . . Подавленный этимъ ужасающимъ матеріаломъ, я кончалъ свои безпорядочные наброски, когда прочиталъ въ газетахъ о смерти кишиневскаго нотаріуса Писаржевскаго. Имя этого человѣка было у всѣхъ на устахъ въ то время, когда я былъ въ Кишиневѣ. Молодой, красивый, богатый, вращавшійся въ лучшемъ обществѣ Кишинева, онъ искалъ еще новыхъ впечатлѣній. Десятки людей говорили мнѣ о томъ, что Писаржевскій, несомнѣнно, лично участвовалъ въ погромѣ, руководя толпою громилъ. Говорили также много о томъ, какія сильныя средства пускались въ ходъ, чтобы затушевать это вопіющее дѣло и скрыть прямое участіе въ погромѣ кишиневскаго свѣтскаго льва. Хотѣлось бы думать, что не все вѣрно, что разсказывали по этому поводу, но и то, что вѣрно, составило бы очень подходящее прибавленіе къ странной исторіи кишиневскаго погрома. . .

Эти усилія не удались. Истина была слишкомъ очевидна, и въ газетахъ появилось извѣстіе о привлеченіи Писаржевскаго къ дѣлу.

Послѣ этого онъ продолжалъ прежній образъ жизни: вращался въ свѣтѣ, кутилъ, игралъ въ карты. Въ роковую ночь ему очень везло въ игрѣ, онъ былъ очень веселъ, а на зарѣ ушелъ въ садъ, написалъ на скамьѣ: „Здѣсь умеръ нотаріусъ Писаржевскій“ и застрѣлился.

Въ газетныхъ комментаріяхъ сообщаютъ, что онъ былъ наслѣдственный алкоголикъ, что его угнетала перспектива суда, что ему не удались какія то любовныя комбинаціи. . .

Все ли это? Теперь фактъ уже совершился, печальная расплата закончена. . . . Мнѣ кажется, я не унижу памяти несчастнаго человѣка предположеніемъ, что въ томъ счетѣ, итогъ котораго самъ онъ вывелъ на садовой скамейкѣ, могли участвовать и еще нѣкоторыя цифры. Что на зарѣ его послѣдняго дня передъ нимъ встало также сознаніе того, что онъ сдѣлалъ, онъ, интеллигентный человѣкъ, — по отношенію къ христіанамъ, которые убивали евреевъ. . .

XII.

Впрочемъ, все это, конечно, только предположенія и, быть можетъ, даже слишкомъ оптимистическія. Несомнѣнную, хотя далеко неожиданную истину высказалъ мнѣ передъ самымъ моимъ отъѣздомъ одинъ простой человѣкъ, кишиневскій извозчикъ, родомъ, впрочемъ, изъ Россіи. Когда мы разговорились съ нимъ о погромѣ и его послѣдствіяхъ, онъ сообщилъ мнѣ, что недавно возилъ по городу знакомаго садовладѣльца. Садовладѣлецъ пріѣхалъ, чтобы по обыкновенію занять денегъ для найма лѣтнихъ рабочихъ. Но евреи, все еще не увѣренные въ завтрашнемъ днѣ, закрыли кредитъ. Садовладѣльцу, по неволѣ, пришлось обращаться, вмѣсто ростовщиковъ евреевъ, къ ростовщикамъ христіанамъ. — А ужъ это, господинъ, я вамъ скажу, дѣло извѣстное, закончилъ онъ тономъ глубокаго убѣжденія, — когда жидъ спущалъ одну шкуру, то свой теперь ростовщикъ три шкуры спуститъ. . .

Этотъ мотивъ очень замѣтенъ теперь въ Кишиневѣ. . . И среди людей, завѣдомо сочувствовавшихъ погрому и разжигавшихъ въ

толпѣ темные предразсудки, племенную ненависть и дикіе инстинкты грабежа и убійства, мѣстные люди могутъ указать весьма извѣстныхъ ростовщиковъ, которые теперь дождались своего часа. . .

Я не имѣлъ въ виду создавать проекты рѣшенія еврейскаго вопроса. Но если бы я былъ однимъ изъ тѣхъ еврейскихъ милліонеровъ, которые заняты этимъ вопросомъ, — я бы, признаюсь, не устоялъ противъ соблазна произвести одинъ соціальный опытъ: я бы переселилъ, чего бы это ни стоило, если не всѣхъ, то огромное большинство евреевъ изъ мѣста погрома. Я вернулъ бы богачу его богатство, я сдѣлалъ бы бѣдняка зажиточнымъ человѣкомъ, подъ условіемъ немедленнаго переселенія. И когда изъ подъ снятаго такимъ образомъ пласта еврейскаго капитала выступилъ бы въ данномъ мѣстѣ свой отечественный и даже патріотическій капиталъ, безъ примѣси и безъ усложняющихъ обстоятельствъ, когда г. Крушевану не на кого было бы взводить мрачныя небылицы о ритуальныхъ убійствахъ, а ростовщики и скупщики щеголяли бы въ европейской одеждѣ, — тогда, надо думать, стало бы ясно, въ

чемъ тутъ дѣло, и можно ли рѣшать эти вопросы погромами и убійствомъ „бухгалтеровъ“ Нисензоновъ, несчастныхъ стекольщиковъ Гриншпуновъ или извозчиковъ евреевъ, добывавшихъ свой горькій хлѣбъ трудомъ такимъ же тяжкимъ, какъ и трудъ ихъ христіанъ собратьевъ. . .

И дѣйствительно ли гнетъ ростовщика легче оттого, что онъ носитъ европейскую одежду и называетъ себя христіаниномъ? . . .

Владиміръ Короленко.

БИБЛІОТЕКА
[illegible]ЛИСТИЧЕСКОЙ
[illegible]ДЕМІИ.